

Вид на Афган из брагинского окошка

ГЕРОИ ТОЙ ВОЙНЫ

Завтра, 15 февраля, исполняется 20 лет со дня завершения вывода советских войск из Афганистана. Афганская война длилась девять лет, с неё не вернулись 14453 советских человека (из них 68 – наши земляки).

Шума вокруг «советской интервенции в Афганистан» было много. Полмира бойкотировало Олимпиаду-80. Афганскую войну называли «советской колониальной». А в СССР «афганец» стал культовым героем многих фильмов, спектаклей и книг. Человек, прошедший Афган, был объектом всеобщего интереса.

Затем стало модным клеймить афганскую войну как последний и самый яркий символ советского строя. А потом всё забылось.

Затихли жаркие споры о том, чем всё-таки была та война. И мы не будем вступать в дискуссию, хватит. Просто посмотрим, как выглядела афганская война из окна обычной брагинской квартиры...

ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНА + СЕРЁЖА

Валя приехала в Ярославль из Борисоглебского района. Училась в Рыбинском педучилище, мыкалась по квартирам в Заволжье.

На руках у молодой женщины – маленький сын Серёжа. Неудачный первый брак распался почти сразу, а жить-то надо... Пришлось работать. На заводе РТИ Валя делала для военных лётчиков кислородные маски. Тогда ей и в голову не могло прийти, чем со временем станут для неё слова «военный лётчик».

Жизнь налаживалась. Вернулся из армии соседский парень Валентин. И получилось у Валентины и Валентина, как в лучших пожеланиях – «валентинках» – с первого взгляда и на всю жизнь.

Маленького Серёжку новый муж обожал, хотя мальчик так всю жизнь и носил прежнюю фамилию – Зарубин. Он звал отчима дядя Валя, но отношения между ними были такие тёплые, что и у кровных родственников редкость.

Переехали в кооперативную квартиру в Брагине. Предельно простая, однокомнатная «хру-

щёвка» после съёмных-то углов могла показаться земным раем.

Вся дальнейшая жизнь Валентины Петровны Дарьиной прошла в сплошных заботах о детях, дома – о своих, на работе – обо всех. Она работала воспитательницей детского комбината, так тогда называли детские сады. Через десять лет после рождения Серёжи, в 1968-м, в семье родился второй сын Слава.

НАЗЛО ШЕЙЛЕН-ГЕНОХУ

Однажды у десятилетнего Сергея поднялась температура и не спадала неделю. Врачи сбились с ног. Когда жар так и не прошёл, а по коже мальчика пошли красные пятна, его срочно увезла «скорая». Подозревали брюшной тиф, брали воду из кухонного крана на анализ...

Окончательный диагноз поставили профессора с кафедры мединститута. У третьеклассника Серёжи Зарубина болезнь Шейлен-геноха. Это заболевание крови настолько серьёзно, что родители должны быть счастливы, что мальчик не умер, и беречь его, как зеницу ока.

И Серёжу берегли. Прикрывали голову панамкой от солнца. От физкультуры мальчик был освобождён до старших классов. Зато когда Сергей до физкультуры всё-таки «дорвался», то полюбил её до страсти. Он играл в футбол, хоккей, волейбол, создавал команды, буквально «горел» в спортивных играх. Он был всё время занят, даже озорничать и гулять было некогда. Единственным «хулиганством» Зарубина было случайно разбитое мячом школьное окно.

Едва закончив школу, Сергей пошёл учиться в учебный центр в Карачиху. Он отлично разбирался во всём электрическом и параллельно с учёбой работал монтером на моторном, но главным делом для него был не завод, а небо.

Зимой по сугробам он пешком ходил на Туношонский

аэродром, помогал чистить снег – лишь бы быть поближе к вертолётам. Перед поступлением в Саратовское высшее авиационное лётное училище волновался страшно – вдруг прошлые болезни не позволят летать? Даже заставил соседского парня вместо себя сходить на кардиограмму! Наивная «хитрость» не пригодилась – вторая комиссия показала, что у Сергея сердце работает отлично, лучше всех на курсе. И училище лейтенант Зарубин закончил с отличием.

МАХАЛИ РУКАМИ, КАК ПТИЧКИ КРЫЛЬЯМИ...

Служил пилот Зарубин на финской границе под Выборгом. Когда лётчикам сообщили, что предстоит ехать в Аткарк и там два месяца совершать

полёты в горах, он написал маме: «Мамуля, я скоро уеду, приезжай!»

Встречать мать и отчима на вокзал Сергей прибежал бегом. Он изо всех сил старался сделать тот визит незабываемым – водил родителей в офицерское кафе, в сауны, в лес. На одной из лесных прогулок, услышав кукушку, Сергей спросил: кукушка-кукушка, сколько мне жить? Птица «нагадала» 24 года. Почти не ошиблась.

А по-настоящему незабываемым для Валентины Петровны стал следующий её приезд в часть под Выборгом. Стало точно известно, что вертолётчикам предстоит служить в Афганистане, командиры срочно вызвали родственников. Отговорив перед выстроившейся на плацу частью всё, что нужно, про долг воинвоинтернационалистов, дали три минуты на прощание.

– Мама, ну всё. Мы полетели. Только не плачь, – сказал Сергей.

Она сдерживалась до тех пор, пока вертолёты не зашли на почётный круг. Пилоты выставили руки из иллюминаторов и махали, махали, махали...

– Как птички крыльями... – вспоминает Валентина Петровна, и голос её вздрагивает даже сейчас, спустя четверть века. А тогда она криком кричала, на весь аэродром.

ДАЙТЕ СПРАВКУ!

Сын ушёл на войну, а Валентина Петровна три месяца кочевала из одной больницы в другую, болело всё внутри. В конце концов, не выдержав, сказала врачу: не могу! У меня сын в Афганистане служит... Что-то творится со мной, не понимаю.

Дайте справку, что нам с Серёжей нужно увидеться!

Врач справку дал, и Сергея на несколько дней отпустили домой.

На афганских фото Зарубина нехитрый, почти идилический быт «шурави» (так звали русских военных) в Кабуле: в панاماх ходят, шашлыки жарят. Правда, вода привозная, только в специальных надувных бочках, но разве не ко всему привыкаешь? Как видно, не ко всему. Сергей приехал невесёлый. В Афганистане оказалось много такого, что ни на фото, ни в письмах не встречается.

О том, как местные жители подкидывали лётчикам изуродованные отрезанные головы, чтобы обвинить русских во всех смертных грехах, Сергей отчиму рассказал, а матери, конечно же, не стал.

(Окончание на 3-й стр.)

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

Вид на Афган из брагинского окошка

**(Окончание.
Начало на 1-й стр.)**

Он пытался скрыть тяжёлые предчувствия, но получалось не очень...

Уезжая, Зарубин попрощался со всеми соседями по площадке и в пояс поклонился дому. И из поезда махал рукой, пока состав не скрылся из виду. Проводница безуспешно пыталась загнать непослушного пассажира в вагон.

ЛЕТАТЬ БЕЗ ЗАМПОЛИТА

Пилот Сергей Борисович Зарубин погиб 19 июля 1983 года. Он был вторым из одиннадцати погибших в тот год нарядовцев, не дослужив одного месяца до года в Афгане.

— Как же вы не уберегли моего сына? — спросила Валентина Петровна замполита.

— Он летать хотел. Был прикомандирован ко мне, но у меня вылетов по должности мало. При первой же возможности лейтенант Зарубин отпросился в боевой экипаж, — ответил офицер.

Зарубин не просто любил летать, он очень любил летать. На его счету 240 боевых вылетов — прикрывал караваны, подавлял огневые точки.

19 июля пришло сообщение о том, что в районе Газни пройдёт караван с тяжёлым вооружением для «духов». Приказ — уничтожить. Три Ми-8 справились с задачей.

Экипажи устали, на горах лежал густой туман, и лётчики решили немного отдохнуть. На отдыхе их и застиг обстрел с гор. Били из пушек и крупнокалиберных пулемётов, пилоты бросились к машинам. Зарубин успел быстрее всех, поднял вертолёт и был сбит. Фактически Сергей

спас товарищей. Только после того, как рухнул его вертолёт, стало ясно, что пути к отступлению отрезаны. Вызвали подмогу, превратили в пепел огневые точки противника. Больше всего боялись не найти тел лётчиков, у моджахедов был в ходу обычай — брать выкуп за трупы советских офицеров. Нашли. Уцелел (на всю жизнь — инвалид) лишь один из членов экипажа, его выбросило в иллюминатор.

ПАРАДНАЯ ФОРМА И СЕРДЦЕ

— Вот здесь он стоял, — показывает Валентина Петровна.

Страшно представить в этой не очень просторной комнате металлический гроб с парадной лётной фуражкой. Он был даже без окошечка и, наверное, занимал большую часть пространства. Два раненых лейтенанта, сопроводившие «груз-200», признались, что нераздавленными остались только ноги.

За сутки до гибели сына матери снилось, что он здесь, спит на диване. Она силилась разглядеть Сергея, но увидеть удавалось лишь высунувшиеся из-под одеяла ноги.

— В чём он хоть одетый? — спрашивала Валентина Петровна.

— На нём парадная форма. Да, в части павших проводжали торжественно. На старых фотографиях: вся часть проходит траурным маршем, скорбные офицеры несут портреты погибших перед тихо едущим грузовиком, цветы, цветы.

Лейтенант Зарубин награждён орденом Красной Звезды (посмертно). У матери тогда было предынфарктное состояние, проблемы с работой сердца есть и сейчас.

МАЙОР С МЕДАЛЬЮ

Первое время Валентине Петровне было так плохо, что она не могла вести музыкальные занятия с детьми — при первых звуках музыки слёзы лились градом.

В 1987 году пришла повестка из военкомата — настало время служить второму сыну, Славе. Мать пошла в военкомат и настояла, чтобы сын служил как можно ближе к дому. Полгода «учебки» под Переславлем оставили у парня самые радужные впечатления. В часть под Владимиром, куда Славу направили служить после «учебки», родители ездили не реже раза в месяц.

И уже во время второго визита увидели — сын сник, стал угрюмым и молчаливым. Общими усилиями, с трудом удалось «выпытать» причину — дедовщина. Та самая, непобедимая...

— Что ж, либо всё это немедленно прекращается, либо через неделю встречаемся в Москве, в комендатуре, — сказала Валентина Петровна командиру части.

И дедовщина исчезла. Кого-то срочно отправили на дембель, кого-то мгновенно перевели в другую часть. Можем, когда хотим... Лишь позже обиженный командир малость «отыгрался»: вместо того, чтобы отпустить отслужившего студента политеха к началу занятий, «мариновал» в части до Нового года.

После такой армии Слава категорически не желал быть военным. Но на шинном молодого специалиста с дипломом встретили словами:

— Что вы! У нас старых спецов сокращать приходится!

Поискав работу, Слава принял предложение — вы-

учиться экстерном на эксперта-криминалиста. Теперь он майор, наверное, это семейная судьба всё-таки — быть военными. И с медалью за отличную службу.

ПУСТЬ ПАМЯТЬ БУДЕТ КРЕПЧЕ

Толком познакомиться с родителями других погибших «афганцев» Валентине Петровне Дарьиной довелось лишь в 1994 году, когда вышла книга памяти «Пламя и пепел Афгана».

— А кто же вас поддерживал, Валентина Петровна?

— Все. Поначалу все поддерживали. До того времени, как началась эта белиберда, в смысле, перестройка. А после неё почти всем стало всё равно — кто, где и за что погиб. Люди понемногу становятся всё черствее и черствее. Главное, чем я сейчас живу, — это сын и внучка. А вертолёты я видеть не могу. Ни по телевизору, никак...

Не очень красивый получился рассказ? Он и не мог быть иным, потому что война отвратительна. Хоть афганская, хоть любая другая. Большинство историков оценивают ввод войск в Афганистан как грубую ошибку советского правительства. Но время стирает ошибки, а память о настоящих людях, таких, как Сергей Зарубин, остаётся.

Пусть память будет крепче, чем гранит//И в сердце стучать не перестанет//Пока есть Русь, она в душе хранит// Погибших на войне в Афганистане.

Закончить статью именно этим простым четверостишием попросила мать Сергея Зарубина Валентина Петровна Дарьиная.

Евгений АВЕНИР.